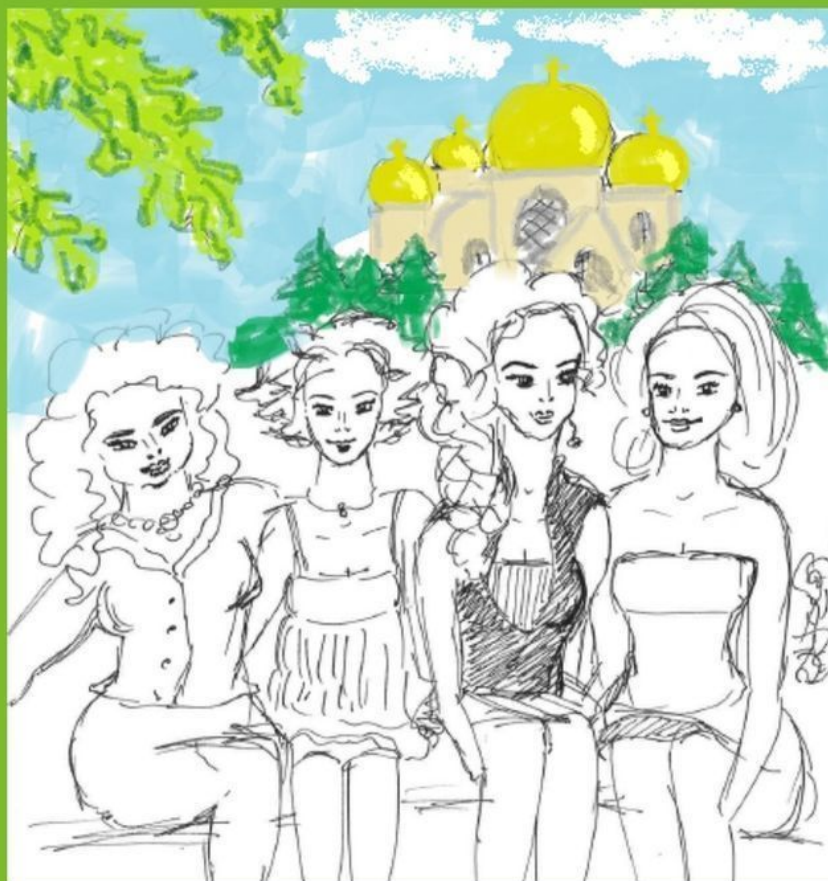

Елена Поддубская

РАЗВОРОТЫ НА 180 ГРАДУСОВ

Современная женская проза

Елена Поддубская

**Развороты на 180 градусов.
Современная женская проза**

«Издательские решения»

Поддубская Е.

Развороты на 180 градусов. Современная женская проза /
Е. Поддубская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740799-5

Четыре школьные подруги встречаются редко, отчего приезд одной из них в родной Краснодар из далёкой Франции решают отметить походом в элитную баню. По дороге туда и обратно, а также в разговоре на месте, и независимо от воли женщин, решается судьба каждой из них. А кроме того, характеры раскрываются так, что кроме как разворотом на 180 градусов это не назовёшь. Для всех и каждого, кто захочет взять эту книгу в дорогу, прочесть её на пляже или в кресле на даче.

ISBN 978-5-44-740799-5

© Поддубская Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Подруги	6
Светлана	6
Алла	8
Рита	11
Карина	13
Глава вторая: По дороге в баню	15
Светлана	15
Рита	17
Карина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Развороты на 180 градусов Современная женская проза

Елена Поддубская

Иллюстратор Ирина Чумак

© Елена Поддубская, 2019

© Ирина Чумак, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-0799-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Подруги

Светлана

Париж в мае чихал пылью, смешанной с транспортными выхлопами, шорохом денег и иностранным говором туристов. По широкому бульвару Дидро, огибающему Лионский вокзал на пути к Аустерлицкому мосту, неслась высокая женщина. Её ухоженный вид, подобранная причёска, отшлифованные френч-маникюром ногти и множество разнокалиберных пакетов в руках указывали на достаток. Уверенность в себе позволяла скрывать настоящий возраст: на вид блондинке не было и тридцати, но четвёрка в личной нумерологии уже пропечаталась. Пробегая мимо попрошайек и бомжей, что, как известно любому парижанину, не совсем одно и то же, женщина выискивала нужный адрес. Увидев издалека вывеску, она улыбнулась. Мужчина, плавающий взглядом в меню забегаловки, принял улыбку на свой счёт. На мгновение голод сменил совсем другой инстинкт, и мужчина развернулся. Но нимфа побежала дальше по пышущим асфальтовым волнам, отчего он вздохнул, сунул руки в карманы брюк и ссутулится. Быть французским мужчиной – непросто. Ни один из них не пустится добровольно преследовать женщину, чтобы познакомиться с ней. Ведь ещё в раннем возрасте он наслушался от отца, как тяжело противостоять равноправию полов, отвоёванному француженками у генерала де Голля. Женщина к тому времени уже убежала метров на триста вперёд, тоже думая, как тяжело жить одной, да ещё в Париже. «Был бы мужчина под рукой, не пришлось бы топтать пешком. Таскать на себе пакеты. Думать, где парковать машину. Подкатила бы с шиком к салону – и вся недолга. – В её мысли о судьбе врезался клаксон. Скрип тормозов, скрежет колёс и окрик в раскрытое окно вернули её к реальности. Облако табака, вырвавшееся из салона авто, добавило неприятных ощущений. – Французы ничем не отличаются от иных мужчин», – решила женщина, отставив намерение проскочить на переходе на жёлтый свет. Опыт проживания в кварталах социального жилья выработал стойкий иммунитет ещё и не к таким обращениям. Не хочешь быть искусанной, не смотри в глаза бешеной собаке.

Спокойно дождавшись, пока на светофоре появится зелёный человечек, женщина пустилась в галоп.

– Подождите! Да подождите же, не закрывайте! – Дверь в Салон сувениров захлопнулась у Светланы Сергеевны Козыревой перед носом. Она с улыбкой выставила перед продавщицей указательный палец: «Мне всего на минутку».

Худошавая, крашеная в ярко-розовый, француженка североафриканского происхождения парировала двумя расставленными перстами: «Приходите после обеда».

– Зараза! – ругалась Светлана по дороге к стоянке, – как обед – хоть банк в этой стране грабь: ни одна душа не пожертвует рабочей минутой ради бутера из багета с ветчиной и сыром. Работнички! Ну, где мне теперь это купить?

Через три часа женщина, лелея последнюю надежду, уже заходила во фри-шоп аэропорта, названного в честь вышеупомянутого генерала.

– Добрый день, Мадам. Чем я могу вам помочь? – спросила ухоженная француженка, та, что, как любят подчёркивать жители этой страны, из истоков.

– Мне нужна фигурка молодожёнов, – выдохнула Светлана на хорошем французском. Внимание продавщицы обнадёживало.

– Мадемуазель выходит замуж? – интригующе проворковала француженка, растянув губы так, что её устойчивый загар, должный не столько сеансам ультрафиолета, сколько толстому слою макияжа, рисковал обвалиться, как штукатурка с ветхого здания.

«Герлен, Терракота», – мимоходом подчеркнула Светлана, различив пудру по запаху, – а сверху залила себя «Маленьким чёрным платьем. Фрэш». Новый парфюм того же Герлена с преобладанием нотки чёрной черешни и освежающего мандарина приятно щекотал нос. – Она наверняка имеет коммерческую карту фирменного бутика на Елисейских. Эта – из буржуа, сразу видно. Вся вылизанная, кольца, цепи, браслеты, хорошая обувь...»

– Нет, Мадам, замуж выхожу не я. Это – для подруги. – «Ещё накаркает!», – Светлана пожалела, что нельзя трижды поплевать через плечо; ведь не поймут.

– А вам нужна статуэтка из фарфора, ткани, глины...?

– А из чего у вас есть?

– У нас – нет не из чего. Мы таким товаром не торгуем. Сожалею... Но, я могла бы посоветовать вам, куда обратиться. Вы хорошо знаете Париж?

Светлана надула щёки:

– Уф! – Париж, как и полки центральных парфюмерных магазинов, она знала лучше некоторых парижан: будучи гидом, натаскалась на экскурсионных турах. Но проблему это не решало. Поправив на плече сумку, Козырева разочарованно улыбнулась: – Я улетаю, мадам. Но за любезность всё же спасибо. «Совершенно в логике французов, – досадовала русская эмигрантка, отойдя от бутика. – Зачем спрашивает, если сама не торгует? Поговорить не с кем? – Слово «gentil», что значит «любезный», французы совали, куда ни попадя, вызывая, порой, оскормину: – Хоть в анекдот его закатывай:

«– Скажите этот врач – хороший?

– О! Да! Он очень жантий.

– Понятно. Значит, кроме слащавой улыбки, ждать там нечего».

Впрочем, злиться на страну, в которой живёшь, – все равно, что сетовать на погоду: здесь мало что от тебя зависит. Как ничто не поменяет зависть и лицемерие большинства французов. Тут либо мирись, либо мотай куда подальше. Мириться русской становилось всё тяжелее. Мотать? Это, поддавшись эмоциям, было не решить.

Светлана побрела на досмотр, досадуя на свою неорганизованность; кто мог подумать, что для того, чтобы пополнить коллекцию милой подруги, в Париже нужно приложить столько усилий?

«Придётся обойтись парфюмом для девчонок и надеяться, что авиаперевозчики не грохнут в чемодане вино для мамы», – продолжала она бубнить, пока шла по терминалу, и задохнулась от радости лишь, когда увидела в зале посадки через стекло свой самолёт:

– Аэрофлот! Как радует глаз! Скорей! На родину! В Россию!

Алла

На Центральном рынке Краснодара у прилавка с кинзой красивая брюнетка лет сорока ловко отражала «ухаживания» продавца. Крупный дядя с кепкой и солнцезащитными очками на горбатом носу, уверял её, что даже за скупую улыбку брюнетки готов отдать половину товара. Брендный прикид покупательницы – заведующей салоном красоты – и весенний всплеск гормонов продавца стимулировали кровь последнего. Алла Сергеевна Каверина выглядела «перфект» даже, когда выносила мусор.

В её сумке расплылась Зефиром «Лунная соната».

– Ритка! – обрадовалась Алла, угадав по мелодии, кто звонит. Горец сделал жест, позволяющий ответить. Откинув длинную прядь, Каверина поднесла телефон к уху: – Да-да! Слушаю!

В трубке застрекотал женский голос:

– Алусик, привет! Я – коротко. Во-первых, прилетела Светуля.

– Да ты что?!!! Сто лет не была! – захлебнулась Алла от счастья и хотела ещё что-то сказать, но подруга обрезала, продолжив речитативом:

– Да. Здорово! Во-вторых, Каруся приглашает нас сегодня в какую-то крутую сауну. Её сотрудница отдала нам весь вечер своего банного абонемент. В туристическом комплексе «Три медведя». В семь. Как на это смотришь?

Для Аллы хорошей была уже та баня, которая, кроме паровой комнаты располагала предбанником. В стороне от зелени, наваленной горой, женщина пригвоздила отобранные травы вилком капусты и, сделав знак торговцу придержать товар, пошла по ряду прочь. Звонила подруга детства. Другая подруга детства прилетела из Парижа. Третья – приглашала в баню. То, что должно было быть воспринято весело, на деле оказывалось грустным.

– Смотрю, Ритуля, с энтузиазмом. Только не получится: вечером мне нужно забирать Лизку из изостудии. Как раз в семь, – речь шла о младшей дочери Аллы.

– А если напрямь Толяна? – намекнула Рита про отца двух дочерей Аллы.

– Ты же знаешь, что напрямь Кабанова – себе дороже.

– А к маме?

– Запросто. Но это проблему не решает, так как завтра спозаранку мне вести старшую на Затон на теннис.

– Твоя Кира тренируется всё также с Валерой?

– Да.

– Ладно, не расстраивайся. Есть мысль. Жди.

Телефон отключился. Улыбаясь, Каверина вздохнула; так хотелось, чтобы подруга, заведующая кафедрой в Кубанской Академии по физкультуре и спорту, действительно могла что-то придумать. Уже мечтая о бане, Алла вернулась к нужному прилавку, купила травы, насильно приняла лишний пучок в «презент» и твёрдо отказала кавказцу во встрече. Его разочарованное цоканье вслед тешило самолюбие женщины, которой нравилось нравиться. В благодарность за комплимент она плавно качнула бёдрами на выходе с базара, так как была уверена, что мужчина провожает её глазами. Никаких мыслей, даже тайных, даже во сне, по поводу этого продавца или прочих мусульман, обильно населявших город, в христианской душе Кавериной даже возникнуть не могло: Алла была набожна. Не до той степени, чтобы бить лбом на каждом молебне, но достаточно, чтобы понимать бездну, что царит между людьми разных вероисповеданий. Однако, их «отношения» с торговцем длились уже не один год и позволяли русской женщине время от времени ощущать себя желанной.

«Теперь в кошерный и – домой!», – сказала себе Алла, застёгивая сумку покрепче, и свернула в крытый павильон базара. Телефон задрожал, испуская грохот битого стекла. На экране появилась морда «боксёра».

– Боже! – мысленно перекрестилась женщина. Общение с бывшим мужем Анатолием Кабановым всегда требовало от неё особых сил.

– Алло, Каверина, ты где?

Сбросив брачные узы, Алла в тот же день, как развелась, восстановила девичью фамилию. Муж презирал её за это, не скрывая, и, не в силах избавиться за год от многолетней привычки, тошнотворно продолжал контролировать жену не ежедневно, нет, почти ежечасно. Но начать с ним разговор с грубости было сейчас не в пользу женщины. Алла давно уже избрала в общении с Толиком определённую тактику. Отчитавшись о том, что купила и по какой цене голосом «секретарши», не испытывающей к «начальнику» даже благодарности за трудоустройство, женщина превратилась в слух. Толик, довольный таким послушанием, принялся докладывать делово и без пауз:

– Завтра утром я сам отвезу Киру на стадион. Валера сказал, что нужно пробашлять за турнир в Сочи, чтобы наша дочь дошла хотя бы до полуфинала. – Толик сетовал по-житейски, словно они до сих пор были супругами. Женщина отставила телефон настолько далеко, насколько это позволяло слышать, но не слушать. Постоянное нытьё мужа давно надоело. Видимо почувствовав это, Кабанов от досады рявкнул: – Всё! После тенниса завезу Киру тебе. Чтобы была завтра дома, как штык! Командные нотки не совсем удачливого бизнесмена, если не сказать совсем неудачливого и средней руки, Толик не лимитировал ни для кого.

Отключив телефон, Алла расплылась в улыбке: «Ритуля! Молоток!». От приказа тренера Толик отбояриться не мог: дочь слыла перспективной. Отношения Киры и отца время от времени натягивались, но на одну ночь общения их обоих должно было хватить. Решить вопрос с младшей теперь будет проще. Вспомнив про что-то, Алла набрала другой номер:

– Каруся! Светуля в городе! Уже знаешь? А ну, да, во я балда! В бане буду обязательно! Ритке – гранд мерси! Мёд принесу. С вас всё остальное. Пришли смс-ку с адресом бани. Плиз.

Карина – главный редактор женского журнала «Красная стрит», угукнула: в этот момент она оформляла заказа на полуторамиллионную рекламу.

– Да. Знаю. Поняла. Пришлю. Я свяжусь с вами попозже, – точно отпрапортовал голос в трубке, и пошли короткие гудки. Алла засеменила к мясным рядам, мыслями окунаясь в блаженство предстоящего вечера. Несмотря на трудности жизни были в ней, слава богу, ещё и такие радости, как сауна с подругами детства.

Выйдя с базара и свернув по Красной в сторону бывшего Центрального междугородного переговорного пункта, Алла на ходу думала о подругах. «Ритка – труженица-пчела, положила на алтарь личную жизнь ради счастья детей. Светка – первая красавица школы, мечтавшая стать дипломатом, поступила в «иняз», на какой-то выставке приколола к себе француза и вот уже пятнадцать лет живёт в Париже. Вроде бы, здорово живёт. В достатке. В уважении. Там – порядок. Законопослушная страна. Жёнопочитающие мужья. С Полем она в разводе, но ремонты в квартирах они делают вместе, в отпуск – опять вместе, да ещё и созваниваются каждую неделю узнать, как дела. Ничего у иностранцев не поймёшь. Иное дело у нас: облаял, без денег оставил – вот это я понимаю – развод! Во всяком случае, позиции определены, акценты расставлены. И ничего хорошего уже ждать от бывшего не стоит, – несмотря на сумки, Алла легко перебежала через дорогу перед бампером тормознувшего такси. Здесь тоже хватило улыбки, чтобы конь встал на полном ходу. Вот только наездница, накатавшись до пролежней, была и без седла, и даже без хлыста.

– Извините, не сейчас, – отмахнулась Алла на призывный гудок и тут же забыла про «кавалера». «Каруся – тоже умница и красавица, поменяла пятого мужа. Она чётко знает когда,

где, с кем и чего хочет, – завидовала Алла по-хорошему. Сперматозоид её мечты если и мог достигнуть яйцеклетки её желания, то только для того, чтобы зародить чёткое понимание того, что кто-то, наконец-то, должен взял на себя часть груза; в их доме проводили кабель интернета, отключили электричество, а с ним и лифт, отчего сумка с продуктами тяжелела от ступеньки к ступеньке и от этажа к этажу.

Рита

– Маргарита Николаевна-а-а! А, Маргарита Николаевна! Вы тут?

Рита открыла глаза. После обеда ей всегда необходимо было подремать на массажном столе в своём кабинете хотя бы двадцать минут. Бросив взгляд на часы на мобильном телефоне, Ремизова поняла, что сну – конец.

– Здесь, здесь. Кто там?

– Это я, ваш студент, – пропел голос с так хорошо известным кавказским акцентом. Рита зевнула:

– Подожди, сейчас выйду.

Преподаватель встала, быстро оправилась, взметнула рукой асимметричную чёлку, плеснула на лицо воды из раковины, накинула поверх одежды белый халат и вышла из-за шторы. Перед ней стоял низенький борец, с куртки до кроссовок засунутый в «Адидас».

– А, это ты Малик-заде. Чего тебе?

– А когда можно сдать зачёт по массажу?

– А когда всем, тогда и тебе. Что за глупый вопрос?

– Маргарита Николаевна, мне надо сейчас. Я на чемпионат Мира улетаю. Завтра.

Рита вернулась за штору, собрала простынь, на которой лежала, и сунула её в сейф. Несгораемый шкаф был наполнен теми женскими мелочами – гигиеническими прокладками, кремами, новыми колготками, зубочистками – что всегда могли закончиться в дамской сумке.

«Вот хам! Завтра улетаю, сегодня спрашивает. Вот сейчас как разозлюсь... Хотя, на фиг мне это надо?» – думала она, отыскивая среди вещей ручку. Появившись вновь перед студентом, заведующая кафедрой спортивного массажа скрестила руки перед грудью. Парень терпеливо держал улыбку.

– Говоришь, завтра улетаешь? Ну что ж, значит, зачёт сдашь после приезда. Вот вернёшься чемпионом Мира, тогда и поговорим. «Хоть бы раз куда-то за рубеж слетать. Для чего живу? За что работаю?»

– Маргарита Николаевна, зачем вам чемпион Мира, вы же взятку не берёте? – Олимпийский резерв посмотрел на преподавательницу махровыми ресницами. Во всей Академии физкультуры и спорта знали, что зачёт по массажу у Ремизовой – не купить.

– Так, Малик-заде, разговор закончен. После Чемпионата, – Рита обессиленно опустилась на стул, ещё раз пожалев о прерванном сне.

– А может сейчас? Я вас только подержу за руку, вы сразу поймёте, какая у меня ласка в ладонях. Вы же сами говорили, что массаж надо делать с лаской.

Рита спокойно выдержала елеинный голос азербайджанского «Дон Жуана»:

– Я говорила, что его надо делать с любовью к телу того, кого массируешь.

– Ну вот. А у меня к вам знаете, какая любовь! То есть к вашему телу, – парнишка отточенным жестом зафиксировал сердце на переднем кармане куртки. Риту подобная сентиментальность не пробирала. «Господи, чем он там их всех борет? Худой, как солист танцевальной „Берёзки“». – Женщине стало жаль парня. Всё-таки этот был трудяга.

– Будешь хамить – дам тебе на массаж стопу, а не руку, как всем, – у Риты было чёткое правило: не ставить зачёт по массажу до тех пор, пока на собственном теле не проверит, на что студент способен.

– Для Вас хоть две стопы, Маргарита Николаевна...

– Ладно, взятки не беру, но заказ сделаю: привезёшь статуэтку молодожёнов?

– Вы замуж собрались?

Рита несколько раз махнула на студента:

– Ты что, Малик-заде? С дуба я, что ли, рухнула? Молодожёнов – подруге. Она уже пять лет как замужем, а я всё никак не могу купить статуэтку для её коллекции. Понял?

Борец не успел ответить: из мобильного на столе забили куранты Кремля. Рита кинулась к телефону, бегло прочла сообщение. Старшая дочь отчиталась, что уже дома, поела, села заниматься. Гадая, догадалась ли Вика подогреть борщ отдельной порцией, а не всей кастрюлей, Рита снова упёрлась в улыбку спортсмена. И снова стало жаль его худобы.

– Так как насчёт зачёта, Маргарита Николаевна?

Женщина отжала мобильный телефон. До следующего практического занятия у неё оставалось пятьдесят минут.

– Ладно. Что с тобой делать, борец? Я схожу в ректорат, а ты тем временем почитай про основные принципы массажа в позднем послеоперационном периоде при локтевом нейролизе.

Улыбка с лица студента исчезла. Он силился запомнить нужные слова. Рита вытолкала его из кабинета и, несмотря на весну, полетела по коридору пьяной осенней мухой. В баню хотелось уже сейчас.

Карина

– Редакция нашего журнала «Krasnaya street» находится на улице Садовая, – второе слово из названия Карина произнесла на английский манер. Московскому рекламному агенту из Москвы названия улицы и журнала ни о чём не говорили, но Карина умела общаться с потенциальными инвесторами. Её голос опустился до тех нужных ноток, что нормальный мужчина не пропустит мимо ушей: – Это, конечно, не на центральной улице. Да и журнал – не «Эсквайр» и даже не «Отдохни». Но по меркам краснодарского глянца, вполне приличное издание, – Карина, продолжая кокетничать по телефону, испепеляюще глянула на фотографа, вошедшего к ней с материалом для печати. Он, извиняясь, попятился, нащупал дверь частью тела, свободной от снимков и исчез.

Женщина отключила мобильник. К кофейному запаху в её кабинете добавился табачный. К никотину Абдалян приучала себя, как Григорий Распутин к яду – принимая малыми порциями. Это не обсуждалось, это требовало закалки. Свежая голова нужна была главному редактору журнала, как худоба манекенщице, чтобы спокойно выдерживать перегрузки тусовок, банкетов и презентаций, составлявших часть жизни и работы. Голова Карины закружилась, во рту завоняло, слюну противно было проглотить и подташнивало. Значит прививка в кровь поступила. Проявленная сила воли придала уверенности пышногрудой армянской красавице. Смывая окурки в личном туалете, редактор думала о обещании столичного специалиста по культуре на Кубани: «Хлыщ он, конечно, ещё тот, но без его рекламы – никуда». Настроение главного редактора трепыхалось на отметке «пойдёт».

Затянув широким ремнём и без того тонкую талию, Карина уселась за бумаги. Забыв про наглого фотографа, она потёрла виски, намазанные перечной мятой – от тошноты и головной боли, говорят, помогает – и принялась листать последний выпуск собственного детища. Да, конечно, у её журнала есть все составляющие местных изданий подобного рода. Прежде всего – так называемые локальные сплетни, большей частью иллюстрированные страницами рекламы туфель, сумок, платьев, керамической плитки и прочего, позволяющего держаться на плаву. Доля, отданная под пиар, это интервью ботокстных тётенек и пузатых дяденек, их истории о бизнесе, вкусах, принципах, личной жизни, часто вымышленные, вовсе неинтересные, но доведённые редакторами до высшего печатного жанра – журнального романа, что тоже нужно. В конце издания, а именно оттуда начинают его изучать настоящие «листатели», помещались репортажные съёмки с важных событий города: открытий ресторанов, выступлений модных ди-джеев, юбилеев тех же пропиаренных «воротил» бизнеса и прочих событий, мажорных для плебейского менталитета. Здесь заказчики торжества ищут своё фото с заветной надписью типа: «Георг – управляющий сетью магазинов «Мех и кожа» или «Надежда Петровна задует свечи на юбилейном торте». Здесь же с придыханием надеются найти своё отображение, зафиксированное случайными объективами, красотки из числа любовниц и к ним стремящихся. Их глазки млеют, а сердечки ускоряют ритм перед заголовками, гласящими: «Гостья праздника», «Случайная спутница Виктора Н.», «Света и её юный поклонник», «Всегда молодая и бодрая Нинон», и так далее. И опять здесь же и первая, и вторая категория покупателей журнала подыскивают для себя партнёров по интересам: старые – молодых, бедные – богатых, а стремящиеся воплотить мечты – старых и богатых одновременно.

Но не это добавляло журналу баллов. Особую гордость главного редактора и директора составляли авторские колонки о городе, его жителях, их проблемах и чаяниях. Вся та работа, которой Карину учили на журфаке и что требовала большего внимания, чем проколы и казусы тусовок, и которую она всегда делала сама, мечтая когда-нибудь на основе этих материалов издать книгу. Но книга – это крупное намерение, тогда как бизнес-план и презентационный лист для москвича – требование немедленное. «Хоть не хощь, а покажи, Карина, свою рас-

тяжку», – подбодрила себя женщина. Она знала, что весь послеполуденный солнечный день нужно будет убить для дела. Спускаясь в помыслах ещё ниже, она вспомнила, что сначала стоит задать трёпку фотографу.

– Карина Эдуардовна, как от вас всегда вкусно пахнет, – расшаркался тот перед внезапно возникшей грозной начальницей. Порог отделял её кабинет от комнаты сотрудников. По причине финансовых невозможностей здесь сбились в кучу столы дизайнеров, бюро корректоров, лаборатория фотокорреспондента и стойка двух замдиректоров, выносящих бредовые шедевры журналистов. Совсем к окну были «приклеены» компьютерный блок менеджера по рекламе и столик курьера, что по совместительству служил и личным водителем Карины.

– Да. От меня всегда хорошо пахнет... очередным увольнением, – Абдалян была надменна. Она прошла к столу подчинённого, где лежали последние снимки, подготовленные для её рецензии, и навела на них взгляд, как оптику на бинокле. Молча оценив материал и отложив в сторону понравившиеся фотографии, важная начальница вздохнула при полной тишине. Медленно окинув выжидающий зал, Карина поправила блузу на плечах. Пояс на талии жал, не давая наполнить лёгкие, но, увидев отражение в окне, женщина осталась довольна собою: «Не хуже Гурченко в „Карнавальной ночи“. Никак не хуже». Взбив рукой копну шикарных, в этот момент шатеново-краснопёрых волос, грозная директриса вспомнила про предстоящий вечер и мысленно махнула рукой. Всё-таки работал фотокорреспондент здорово, иначе...

– Ладно, живи пока. Твоё счастье, что у меня сегодня по плану редкое мероприятие – встреча с подругами детства! – разрешила она. Фотограф присел в книксене. Или так кому-то показалось. Временами Карина Эдуардовна могла быть широкой кавказской душой.

Виляя бёдрами и рискуя удариться о столы, высокопарность скрылась за дверью кабинета, унося фотоснимки. Обе редактрисы выставили за её спиной по большому пальцу. Фотограф осел на стул.

Глава вторая: По дороге в баню

Светлана

Козырева, хотя выскочила от матери в последний момент, моментально поймала машину. Названия улицы, где находилась баня, «французенка» забыла, зато точно помнила, что комплекс называется, как одна из русских сказок.

– «Колобок»? «Белоснежка и семь гномов»? «Теремок»? «Русалочка»? – почесав трехдневную щетину, космополитно-популярную не столь из-за экономии, сколько от лени, таксист напряг рацию для справки. Проржав над перспективой попариться девочкам у «трёх богатырей», диспетчер стала наугад называть все схожие или подходящие под смысл названия заведений. Очередное из них чиркнуло пассажирке по памяти. В салоне раздался шип, хрип, писк, хруст; это диспетчер объясняла водителю, как проехать в нужное место.

– Как вы это расшифровываете? – выдохнула Светлана, жалея мужчину.

Он гордо тронул машину с места в галоп:

– Привычка. А вообще шо тут непонятного? Нам на Крымскую. По Красных партизан в сторону института Микрохирургии глаза, потом у ботанического парка на кольцо налево на третью линию до Славянской, там кладбище. Я вчера туда мужика подвозил; жена шла по рынку с морковкой, и – хана. Молодая ещё. Ну, не как вы, конечно, – таксист подмигнул в зеркало внутри салона, – но пятьдесят ведь тоже не возраст. Во жизнь!

– Так нам на кладбище? – знакомые с детства названия только путали и пугали Козыреву. В Краснодаре она не была семь лет. Таксист заржал, широко открыв рот, упёрся пузом в руль и перешёл на «ты» без церемоний:

– А ты шо торопишься? Ты, красавица не бойсь, все там будем, рано или поздно. Где кладбище, не доехав, надо пересечь трамвайные пути, потом опять налево и ехать чётко вдоль рельсов. Потому как дорога там – дерьмо: одни ямы и ямищи, – машина ловко лавировала по улицам, переполненным легковушками и ГАЗелями, и перепоясанным троллейбусами: – Я там намерен чуть ось не оставил.

– А что ямы никак не объехать?

– Наверное, можно. Но токо зачем нам их объезжать: за третьей ямищей как раз и будет твоя баня. Ха-ха. Нетипичное заведение. Кубанцы туда мало ходят.

– Дорого?

– Строго. Там немец хозяин. Сама увидишь: ни одной бл. ди на входе нет.

«Да уж, показатель респектабельности!» – подумала Светлана.

От мата она скорчилась:

– А без ругани никак нельзя?

– Какой ругани? – таксист нахмурил лоб. Вырвавшееся слово было для его лексикона настолько повседневным, что притёрлось, как литературное.

– Неужели обозвать продажную женщину можно только матом? – Вместо того, чтобы натолкнуть таксиста на мысль, Светлана заставила его задуматься ещё глубже, отчего их машина чуть не столкнулась с маршруткой.

– Бля! – снова шарахнул шофёр, затем внезапно догадался и опять заржал: – Ну ты, красавица, дала! А как же их ещё иначе назвать: они – они и есть они...

– Ну, есть ещё такое слово как «проститутки» или «девочки лёгкого поведения».

Зайдясь хохотом, таксист забыл вдохнуть и побагровел:

– Проститутки – это у Интуриста. А девочки лёгкого поведения – в начальной школе. Нет уж, бля... – окончание вышло оторванным и приглушённым, – дь – она и есть, кто она есть. И по-другому никак не скажешь. Как говорится, из песни слов не перепутаешь.

Светлана затихла, втянув голову в плечи и сделавшись маленькой. Таксист замолчал, но через время снова нашёл её в зеркале:

– За услугу диспетчера придётся, дамочка, накинуть, – глаза его не улыбались.

– Довезите сначала, там разберёмся, – Светлана не умела торговаться, даже будучи русской барышней, а уж тем более разучилась делать это, став французской мадам. Деньги в кошельке нервировали: женщина давно уже привыкла платить банковской картой, на худой конец чеком, и платить строго по тарифу. Ломая голову, сколько нужно дать таксисту чаевых, чтобы не обидеть и не переплатить, Светлана набрала парижский номер подруги. Та недавно была в России. В намерениях звонившей было только справиться о сумме подачки, не прибегая к использованию русского языка, в результате же роуминг унёс за разговор в два раза дороже насоветованных чаевых.

Таксист, услышав иностранную речь, сразу заговорил о Таиланде, не допуская, видимо, что гостя может прибыть с другой стороны глобуса. А может просто потому, что только там и мечтал побывать. А может потому, что только про эту страну с ним и разговаривали пассажиры. Потом стал активно показывать однотипные достопримечательности улицы Красных партизан, делая акцент на доступности цен на все виды услуг. В итоге он так надоел своими рассказами, что пассажирка пожаловалась на головную боль. Вконец оскорблённый, таксист замолчал, буркнув напоследок, что париться с больной головой – выкинутые деньги. Уже подъезжая по адресу и обдав пешеходов грязной водой из той самой третьей ямки, он заелозил в зеркале улыбкой служащего перед зарплатой:

– А в Таиланде бани есть?

– Понятия не имею, – машина остановилась. – Сколько?

– Скоко у вас?

Светлана протянула две бумажки по пятьсот рублей.

– Хватит! – весело цапнул мужичок обе, щедро оценив платёжные способности «иностранки».

Рита

...Ремизова неслась к остановке маршрутки, как лошадь, сбросившая на родео ковбоя – активно размахивая руками и скоро перебирая ногами. Дома она предупредила Вику и Машу о том, что восемнадцать и семнадцать – это опасный возраст, чтобы сидеть на сайтах до полуночи. Раньше мать не вернётся, и это совсем не плохо. В этом возрасте любовь родичей изда-лека – самый оптимальный вариант.

Рита перевесила ношу с одного плеча на другое. В баню она собиралась, как при срочной эвакуации: впихнула в спортивную сумищу первое, что попало в шкаф, и теперь перебирала в уме, взяла ли сменное бельё. Можно, конечно, было обойтись и без него: к вечеру стало не жарко, под свитер даже поддувало. Но ходить с бельём всё же приятнее. Да и Карина не станет ворчать про эстетику. Для Карины бельё – культ. Она меняет его, даже не стирая. Вот кому никогда не понять, что стиральная машинка разорвала лифчик в мочало.

Заведующая кафедрой массажа окинула взглядом загруженную улицу Октябрьскую. «Где эта долбанная маршрутка?» Ехать можно было и на троллейбусе, но это мука и долго. На маршрутке – тоже долго, но мучаешься сидя. И речи служащих, радующихся вечерней пятнице, услышишь там реже. Машину Рита не водила: мать, работа и рынок лежали в шаговой доступности от квартиры. С детьми вопрос был тоже решён: младшей до школы быстрым шагом – не устать. Старшая моталась в Университет с двумя пересадками и уже сейчас училась вождению.

Такси подрулило. Женщина и сумка бухнулись на единственное свободное место. Усевшись рядом с потной толстухой, Рита уставилась в окно. Октябрьская изобиловала салонами свадебного платья. Ремизова представила старшую дочь в одном из них. Получилось красиво. Рита вздохнула; дочь не так давно рассталась с возлюбленным. Но помочь ей мать могла лишь советом. Впрочем, молодые редко слушают родителей. Рита прислушалась к своему сердцу. Оно давно уже стучало ровно. Укаченные пассажиры дремали.

Вдруг машина резко затормозила. Женский голос на улице истошно завопил: «Убили! Убили! На помощь! Врача!». Рита испуганно огляделась; маршрутка остановилась на подъезде к Сенному рынку. С двух сторон и на много метров вперёд весь транспорт стоял. Женский голос продолжал звать. «Сиди и не рыпайся!» – приказала себе Ремизова, запирая своё сознание; совсем недавно она пересдала диплом об оказании первой помощи.

– О! Скорую сюда дождёшься нескоро, – прокомментировал ситуацию водитель.

– Откройте дверь, я побегу на помощь! – приказала Рита. Выволакивая сумку, она задела ею толстую соседку.

– Иди-иди, дорогая, – напутствовала казачка. Тронь её кто в какой другой раз, она непременно бы выцарапала глаза, а тут...

Разбивая толпу теми же заветными словами, Ремизова оказалась в её эпицентре довольно легко. То, что женщина увидела, заставило выронить сумку: на асфальте, прямо поперёк проезжей части, к ней были протянуты знакомые золотые кроссовки «Адидас». Ещё не видя лица лежащего, Рита похолодела:

– Малик-заде.

– Вы его знаете? – посмотрел на неё мужчина, стоящий у изголовья потерпевшего на корточках. Стройный, красивый, явно не пассажир, не водитель и не врач, он был похож на спасателя американских пляжей. Пусть не в шортах и с голым торсом, а в тенниске и джинсах, но с бицепсами, вырывающимися из-под манжеты. Рита гордо ответила:

– Я – первая помощь.

Ответ был невпопад.

– Какая, к е... матери, помощь? Парень – труп.

Молнией подумав про то, что всё-таки неплохо, что мат застрял у незнакомца на зубах, Рита глянула в лужу. Оттуда пахло приторной тёплой сладостью.

– Как это «труп»? – вместо бани Рите захотелось под ледяную воду. Земля поплыла у неё под ногами.

– Похоже, сведение счётов; кто-то выстрел ему в голову. Так что, шансов выжить, увы, никаких. – Выражение лица мужчины было явно не трагичным, а взгляд направлен на её расстегнувшийся жакет. Рита схватилась за пуговичку на уровне бюстгальтера.

– Он же – борец! – Локоть её правой руки словно обожгло теплом ладоней азербайджанца, побывавших там так недавно.

– В смысле?

– В спортивном. Должен был ехать на чемпионат Мира...

– Да? А по-моему, он был наркоторговец. Женщина, что с вами? Эй, народ, дайте кто-нибудь воды! Тоже мне – первая помощь! Саму теперь её тащить, как котёнка на спине. Женщина, вы меня слышите? – стал тормошить её красавчик. Рита почувствовала на своих щеках лёгкие похлопывания.

«Всё-таки он – ничего, – подумала она, уловив приятный парфюм, смешанный с хорошим табаком.

Карина

– Марк, что стоишь без толку: помоги мне застегнуть цепочку, – Абдалян посмотрела на мужа в отражение зеркала, приподняла копну волос и склонила шею набок.

Мужчина ткнулся голым пузом в поясницу жены и сладко зажмурился:

– Надо говорить цепочку. Может, не пойдёшь?

– Ещё как пойду, – Карина подставляла тело под поцелуи и думала о том, что хороший секс с мужем будет, даст бог, ещё не один раз, а вот хороший вечер с подругами – кто знает: Светки не было семь лет. – Моя мама говорила цепочку.

– И что? Моя тоже говорила «поклади» и «позвонят». – Муж упорно добивался цели.

– Боже! Как с тобой скучно: ты такой умный...

Марк выдохнул:

– Я же – еврей.

– А что же тогда не богатый? – фыркнула Карина, отталкивая мужа задом так, как притягивают. Руки мужчины пошли по бокам женщины:

– Зато щедрый.

– А ну да, границы твоей щедрости заканчиваются, в аккурат, на линии Красной, – проговорила Карина, блаженно щурясь отражению.

Видимо, разговор на тему заводился не впервой, ибо мужчина тут же потерял интерес к тому, чего добивался.

– Ну, извини, что не могу подарить помещение для вашей листовки на главной улице. – Он развернулся и собрался выйти из комнаты. Карина с усмешкой остановила, схватив за руку:

– Куда пошёл? А кто поможет мне вдеть в уши серьги?

– Вдеть – это не ко мне. Я привык вынимать. С биржи. Сразу и помногу.

– Ну, Марик, – теперь голос жены капризно загнусавил. Она раскрыла ладонь с украшениями. Марк взял серьги в руки.

– Зачем они тебе в бане? Не понимаю. Лишняя трата времени. И потерять можно.

– Потерять можно всё, – Карина с намёком посмотрела на отражение мужа и сделала театральную паузу. Мужчина вддел серьги одну за другой, едва прикоснулся губами к жениному затылку, молча вышел из комнаты.

Карина покрутилась перед зеркалом. Кроме украшений и волос ничего другого на ней не было. Одна из серёжек тихонько дзынькнула.

– Как такое не надеть? Ведь это – последняя коллекция от Мобусана. Светка его точно признает; зря, что ли, она трётся по Парижу со всякими боссами-барбосами? Да и девчонки ещё не видели. Пусть порадуются за меня, как настоящие подруги, – Карина перекинула мысль с боку на бок, перепроверив её на верность и примеривая к себе.

«И когда мне уже в жизни повезёт?» – думала Абдалян, спускаясь через время в лифте. Шикарное платье из шёлка со вставками тончайшей кожи, гарнитур из топазовых серёг и подвески, последняя модель босоножек от «Армани», сумка от «Дольче и Габана», дорогуший парфюм «Гермеса», свежеподаренная «Мазда» последней модели, заказанная в прошлом сезоне прямо на выставке в Женеве, и муж, биржевой брокер стоимостью в несколько миллионов, что вот уже пятнадцать минут ждал её во дворе, чтобы отвезти в «Три медведя», по мнению женщины к большому везению не относились. Карина недовольно захлопнула дверь автомобиля и кивнула. Машина плавно двинулась по внутреннему двору резиденции, но, едва за ней опустился шлагбаум, и им отсалютовал охранник, как Карина завизжала:

– Сто-о-о-й!!!

Марик, функционирующий на расслабоне, жёстко нажал на тормоз:

– Ты что? Больная?! Так орать!

Голова Карины сильно качнулась вперёд, обмахнув шикарным веником волос лобовое стекло:

- А ты что – нервный? Тогда заведи мне шофёра.
- Что случилось? – по раздутым ноздрям было ясно, что Марк зол или недалёк от того.
- Я забыла журналы для девчонок.
- Какие журналы?
- Конечно же, прессу конкурентов.

Марк смотрел на жену, не зная, что делать: ехать, идти, бежать или стоять. Причуды женщины в бешенстве могли поменяться радикально. Понимая, что без её указания он не сдвинется с места, Карина вытянула губы в поцелуе:

– Ну, Марик, ну Марусечка, ну Марюсёночек. Ну, слетай за ними. А? Три журнальчика. В прихожке. У зеркала. Дорогой мой!!!

– Кому нужны твои прокламации? – злобно пробубнил Марк, разглядывая в лифте не то платье, не то ночную рубашку на теле манекенщицы журнала. Сев в машину, он решил не продолжать накал страстей: – По-моему, Олег неплохо её снял, – указал он на обложку.

– Снял тоже неплохо. А сфотографировал – просто здорово. Спасибо. Поехали! – Карина вертела журналы в руках: – Тем не менее, Алусик всегда найдёт какой-нибудь эстетический промах. И я её советы, между прочим, ценю. А Ритке будет интересно посмотреть, что теперь носят. Себе не купит, зато других покритикует. И критика у неё объективная: если плохо – никогда не скажет, что хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.